

Будущее науки и настоящее университета¹

ЮРГЕН МИТТЕЛЬШТРАСС

ПРОЛОГ: ТРИ ПРИЗРАКА

ПРИ ОТКРЫТИИ Фрайбургского университета 27 апреля 1460 года его первый ректор Маттеус Гуммель вслед за Соломоном (9, 1) провозгласил: *Sapientia aedificavit sibi domum* («Мудрость построила себе дом»). Сегодня мудрость — наука — имеет много домов, но ее первый дом — университет — в упадке. Если верить духу времени и образованным меланхоликам, то связь между наукой (неважно, насколько она удалась от мудрости) и университетом сегодня нарушена; *alma mater universitas* утратила главенство и влияние среди окружающих ее многочисленных домов науки. Богиня-Мать, происходящая от Кибелы — малоазиатского символа жизни и плодородия, превратилась в унылое и совершенно мирское учреждение, которое трудно прокормить, но которое тем не менее болезненно разрастается. В глазах общественности университеты сегодня выглядят как непомерно раздутые предприятия с расплывчатыми очертаниями, занятые не истиной, образованием и чистым познанием, но «горами», как на чутком бюрократическом жаргоне называют студенческую массу: восхождением на горы или

1. Перевод выполнен по изданию: © *Mittelstraß J.* Die Zukunft der Wissenschaft und die Gegenwart der Universität // Der Streit der Fakultäten oder die Idee der Universität / H. Bachmaier, E. P. Fischer (Hg.). Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1997. S. 9–28. Это переработанная и дополненная версия одноименного доклада, прочитанного на годовом собрании Союза учредителей фондов для развития науки в Германии (Дрезден, 1992): *Mitgliederversammlung des Stifterverbandes für die Deutsche Wissenschaft in Dresden, 1992. Ansprachen und Vorträge.* Essen: Stifterverband für die Deutsche Wissenschaft, 1992. S. 28–48. Перепечатано в: *Mittelstraß J.* Die unzeitgemäße Universität. Fr.a.M., 1994. S. 30–53.

прокладкой туннелей под ними. Здесь воспроизводится посредственность, культивируется необузданность, программируется высокая безработица и транжируется много времени и денег. Несомненно, университеты в Германии находятся в трудном положении: они постоянно растут, но их реноме становится все хуже. И едва ли это бедствие, повсеместное в «старых землях», минует «новые».

Конъюнктура изменчива, но описанная тенденция устойчива и сопровождается острым дефицитом свежих идей. Сегодня университетам в Германии угрожают три призрака: катастрофа образования, массовая высшая школа и «эмиграция» исследования в далекие от университета сферы. На фоне неуверенной культурной и образовательной политики, а также научной политики федерального и земельного уровней университет стал постоянной темой общественного резонанса. Вопрос об университетах неизменно стоит в общественной повестке дня и всякий раз откладывается.

Ниже я хотел бы высказать некоторые суждения по этому вопросу, затронув такие темы, как будущее науки, фундаментальные и прикладные исследования, миф Гумбольдта и конец университета. Не ждите от меня новых глубоких прозрений (пусть вас не введет в заблуждение моя принадлежность к философии) или лаконичных практических указаний. Я не confident абсолютного духа и не администратор, скорее, дилетант, желающий жить цельной жизнью университетского преподавателя — в исследовании, преподавании и научной политике. То, к чему я стремлюсь и достижению чего, возможно, могу способствовать, — это большая ясность труднообозримых связей между университетом и наукой, а также реанимация сознательной и самокритичной способности суждения применительно к ним. Это была небольшая преамбула, имевшая целью сдержать ваши ожидания, но вместе с тем поддержать ваше настроение.

1. БУДУЩЕЕ НАУКИ

Мы не знаем, какой будет наука завтра. Знаем только, что без будущего науки не имеет будущего и современный мир. Я называю этот мир миром Леонардо, поскольку человек не только вступает в него первооткрывателем (мир Колумба) и не только связан с ним своими толкованиями (мир Лейбница). Это и мир, собственноручно созданный человеком, мир как продукт его (прежде всего научной) деятельности, отвечающий не столько интеллектуальной потребности знать, что изнутри удерживает мир воедино, сколько не менее важной и все более актуаль-

ной задаче его сохранить. Необходимость и наука взаимосвязаны подобно практическому разуму и космологии. Уже Иоганн Кеплер в посвящении *Mysterium Cosmographicum* (1596) провидчески замечает:

Мы видим здесь, что Бог устроил мир, подобно человеку-зодчему: сообразно правилу и порядку, столь соразмерно, что кажется, будто не искусство имеет свой образец в природе, но сам Бог, творя мир, имел в виду строительное искусство будущего человека².

Бог всегда знал мир Леонардо, поэтому он (согласно Платону) исчисляет и конструирует как геометр. Мир Леонардо — не просто один из миров, по которым идет (с любопытством или вынужденно) человек, но мир архетипический. Будущее, говорит благочестивый Кеплер, — это начало, а начало, по греческим и нашим воззрениям (ибо в науке мы остаемся греками), — это сущность.

Хотя мир Леонардо (в согласии с Кеплером и его провидением или вопреки ему) является продуктом самого человека, он имеет тенденцию обращаться против последнего, то есть присваивать его. За освоением мира человеком — конструктором и строителем — следует, подобно удлиняющейся тени, присвоение человека (освоенным) миром. Мир, названный именем Леонардо да Винчи, великого зодчего, художника, ученого и инженера эпохи Возрождения, — это современный мир *homo faber*; своим существованием он обязан науке и технике, но вместе с тем он все более замещает человека. Поэтому вопрос «Куда движется наука?» означает также: куда движется мир Леонардо?

Констатируя, что мы не знаем будущего науки и научных исследований, а вместе с тем и мира Леонардо, мы опираемся на научный опыт, подсказывающий, что экстраполировать современное состояние исследований в той или иной области в отдаленное будущее невозможно. История науки, прочитанная в систематическом ключе, показывает, что научный прогресс связан прежде всего с разрывами, а не с верным следованием программе. Необозримость в значительной мере присуща не только современному состоянию науки (кто уже сегодня может охватить весь универсум науки?!), но и ее будущему. Мы не знаем, что будет известно физике, биологии, математике, философии через пятьдесят лет, как не знаем, к примеру, что будет

2. Prodromus dissertationum cosmographicarum, continens Mysterium cosmographicum (1596) // Kepler J. Gesammelte Werke. München, 1937–... Bd. I. S. 6 (второе издание 1621 года: Gesammelte Werke. Bd. VIII. S. 17).

возможно в технике. Именно поэтому современная наука не может говорить за науку будущего³. Мы не знаем того, чего не знаем, равно как и того, что будем знать в будущем. Мы не знаем даже, что будет возможно знать в будущем, а в каком знании мы не будем нуждаться (что позволило бы сэкономить много денег). Впрочем, знать, в каком знании мы не будем нуждаться, означало бы, что направления исследований и технических разработок ясны и допускают экстраполяцию и что возможные пределы знания и конструирования в достаточной мере известны.

Науке приходится довольно часто ломать голову в размышлениях о границах исчерпаемости как природы, так и информационных возможностей⁴. В обоих случаях предполагается, что история науки либо абсолютно конечна, либо когда-то вступит в фазу асимптотического приближения к тому, что вообще можно знать. Однако само это допущение является не научным, но спекулятивным. В нем недооценивается креативность научных революций, а кроме того, оно игнорирует тот факт, что исследовательские программы связаны с (внутренними и внешними) целями, в том числе с пресловутой целью не иметь целей. И если мы допускаем, что когда-то наука выполнит свою задачу и тем самым лишится будущего, то мы должны знать все эти цели. Но претензия знать все возможные цели абсурдна: их может быть бесконечно много. Поэтому на самом деле этот странный вопрос — есть ли будущее у научного прогресса? — не стоит сегодня и не возникнет в будущем. Ведь, чтобы на него ответить, мы уже должны заранее знать, чего мы не знаем, а показать это может только сам научный прогресс или его отсутствие.

Иначе говоря, можно не опасаться, что то, чем занимается наука и что гарантирует будущее миру Леонардо, а именно знание обо всем, однажды будет достигнуто, что все научные проблемы однажды исчезнут, на все вопросы будет получен ответ, найдены решения всех загадок, написаны последние учебники, вручены последние нобелевские премии, даже последние философы — авторы последних озарений — выйдут на пенсию, и научная Валгалла будет закрыта. Опасения такого рода беспочвенны по указанным выше причинам, а также потому, что рука об руку со знанием идет незнание. За каждой решенной проблемой следуют новые проблемы, за каждым прозре-

3. Ср.: Rescher N. Die Grenzen der Wissenschaft. Stuttgart, 1985. S. 187 (английский текст: The Limits of Science. Berkeley; L.A.; L., 1984. P. 102).

4. Ср.: Idem. Scientific Progress. A Philosophical Essay on the Economics of Research in Natural Science. Oxford, 1978. P. 6 ff. См. также: Mittelstraß J. Fortschritt und Eliten. Analysen zur Rationalität der Industriegesellschaft. Konstanz, 1984. S. 41 ff.

нием — новые вопросы, за каждым стареющим ученым — молодые исследователи.

Между прочим, тот факт, что будущее исследования, а значит, и будущее науки не всегда ясно даже «посвященным» — акторам исследования и науки, — не есть некий дефект рациональности, некая досадная неспособность науки сравниться с магами и провидцами. Скорее, это выражение ее собственной инновационной мощи. Наука не знает, куда движется и что будет знать в будущем, потому что обладает гигантским потенциалом изобретательской креативности, продуктивных вопросов, конструктивного беспокойства. Наука участвует в гонке не только за решениями, но и за проблемами. Кто претендует на знание, куда ведет и где закончится путь науки, тот показывает лишь свою неспособность выглянуть из собственного исследовательского уголка, будь то лаборатория или письменный стол, где он уже готовится встретить свою отставку.

Поэтому наука — это не теория или прогноз будущего науки, но работа тихо одержимых (иногда меланхоличных), самоотверженных (по ту сторону не всего земного, но тарифных сектор), настойчивых и увлеченных людей, которые желают любой ценой запустить эксперимент, развернуть доказательство, прояснить мысль. Эта работа приводит в движение исследовательский процесс, несет в себе зерно будущего, в том числе лучшего мира Леонардо, и обуславливает вечную молодость научного духа. Заставить его состариться мог бы только (научный) догматизм и истощение инновативной силы мира, которому наскучила форма, приданная ему Леонардо, а также связанные с ней мощь и опасность; такой мир, который стремится вернуться к мифам, к смыслу, связанному не с конструированием, а с медитацией.

2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Но науке отнюдь не гарантированы ни будущее, ни новое (в плодотворном отношении к знанию и незнанию)⁵. Кто стремится к новому, в том числе в науке, должен быть готов к столкновению с неопределенным, непредвиденным и незапланированным, к движению круглыми путями и по бездорожью, к мно-

5. В связи с этим и последующими рассуждениями см.: *Idem*. Die Wissenschaften und das Neue // R. Schmitt, H. Altner, D. Burkhardt (Hg.). Wissenschaft ohne Grenzen? Geistes- und Naturwissenschaftler stellen sich der Verantwortungsfrage. Regensburg, 1991. S. 113–131.

гочисленным разочарованиям. Ученые идут долгими путями, и общество должно быть готово их финансировать. Сюда относятся, в частности, так называемые фундаментальные исследования, о которых одни (ученые) говорят как о первоэлементах науки, без которой она не могла бы дышать и жить, а другие (политики в сфере науки) — как о хитрости, цель которой — дать ученым возможность свободно предаваться своим (чаще всего дорогостоящим) научным увлечениям. В самом деле, без фундаментальных исследований мир науки потерял бы свою притягательность, свой особый шарм, связанный с тем, что ученый любит и исследует вышеупомянутое незнание не менее страстно, чем знание, являющееся общим достоянием. Это не исключает того, что в условиях нехватки средств и в свете тех экстравагантностей, которые иногда позволяет себе наука (когда обращается к таким темам, как динамика шаровых звездных скоплений или улыбка у Мольера), свобода исследования, особенно рекламируемая именно применительно к фундаментальным исследованиям, становится для нее обузой, а порой и симптомом нечистой совести.

Но вместе с тем привычное и почтенное различие между фундаментальными и прикладными исследованиями давно утратило отчетливость. Если некогда казалось, что наука представляет собой исключительно только фундаментальное исследование и потому определяется и легитимизируется чистыми идеалами истины и познания, то сегодня дело выглядит совершенно иначе. Открытие, изобретение и разработка сблизилось вплотную, и граница между так называемыми фундаментальными исследованиями и тем, что обычно называют исследованиями прикладными (часто подразумевая при этом экономику), расплывается. Фундаментальные исследования в чистом виде проводятся лишь в немногих областях, и так дело обстоит не только во внеуниверситетских исследовательских институтах, но и в университетах. Здесь необходимы иные различия, более адекватные действительному состоянию науки.

Прежде всего следует отметить, что на самом деле чистые фундаментальные исследования еще имеют место: это исследования, не имеющие практического применения. Типичный пример из сегодняшней науки — физика элементарных частиц и космология, в частности разработка единой теории взаимодействия элементарных частиц (помимо гравитационного) и объединение теории элементарных частиц и теории гравитации. Здесь понятие прикладного не имеет смысла, в том числе и прогностического. Иначе дело обстоит в случае исследований, которые можно назвать практически ориентированными фундаментальными исследованиями. Я имею в виду исследования,

результаты которых могут получить практическое применение в долгосрочной перспективе, но не позволяют ожидать непосредственного воплощения в рыночных продуктах в обычных для промышленного планирования временных рамках. Пример — высокотемпературная сверхпроводимость, синергетика (или нелинейная динамика) и фундаментальная информатика. В этих областях возможность применения предполагается, хотя путь от исследования к применению труднообозрим и, если вообще возможен, опять же наукоемок.

Наконец, следует отметить исследования, которые либо осуществляются в расчете на специальное применение, либо позволяют ожидать его в кратковременной перспективе. Таковы, в частности, исследования в области материаловедения, экологии и медицины (например, изучение СПИДа). В этих областях путь от исследования к применению достаточно краток и, в отличие от чистых и практически ориентированных фундаментальных исследований, разработан достаточно детально. К слову сказать, в конкретных исследовательских программах — как университетских, так и внеуниверситетских, в том числе индустриальных, — исследования этих трех типов часто дополняют друг друга. Сегодня чистые фундаментальные исследования существуют даже в университетской науке лишь в весьма специальных областях, а индустриальная наука давно включает в себя практически ориентированные фундаментальные исследования. Иначе говоря, практически ориентированные фундаментальные исследования становятся все более обычным явлением во всех исследовательских областях.

Здесь следует иметь в виду также изменяющееся соотношение науки и техники. В научном самосознании глубоко укоренилось представление, согласно которому наука — это фундаментальные исследования, а техника — это их применение. Одна (наука) доминирует над другой (техникой), которая, в свою очередь, обретает все большее господство в обществе или над обществом. Но и это представление все менее соответствует современной науке и действительности мира Леонардо. Отношение между наукой и техникой столь же неоднозначно, как и отношение между фундаментальной и прикладной наукой. Соответствующие тенденции появляются довольно рано (например, в связи с изобретением телескопа) и указывают на будущее науки. Так, без зрелых технологий производства магнитных сверхпроводников и, соответственно, создания сильных магнитных полей, без высокоточных технологий фокусирования потоков элементарных частиц теория элементарных частиц была бы лишена экспериментальной базы. Техника обеспечивает науке получение релевантных данных.

Это отношение становится еще отчетливее, если принять в расчет уровень сложности современной науки. Сегодня некоторые физические теории достигли такой степени сложности, что только с помощью компьютера можно установить, какие тезисы они, собственно, содержат. Например, кварки (наиболее элементарные частицы материи) никогда не проявляются изолированно, но всегда — в группах. Методы приблизительного вычисления, осуществимые в силу их сложности только на компьютере, позволяют предположить, что включенность кварка в группу на самом деле является следствием соответствующей теории. То есть в данном случае лишь применение компьютера позволило установить то, что вообще теория утверждает. Но это значит, что процесс научного исследования не только зависит от технологических знаний и возможностей, но и направляется ими. Технология — это не только применение, но и предпосылка науки, которая поэтому сама обретает «технические» черты. Или, подразумевая сказанное о статусе фундаментальных исследований: технология — это не только прикладная наука, а наука — это не только чистое фундаментальное исследование; нередко наука представляет собой также «прикладную технологию», то есть многие ее шаги сами имеют технологическую форму. Вышеупомянутое разделение власти — с одной стороны, техника, господствующая над обществом, и, с другой, господствующая над техникой наука — сегодня уже не действует, во всяком случае не определяет отношение между наукой и техникой. Его место заняли структуры взаимозависимости.

При этом высокие технологии (ускорители элементарных частиц, излучатели нейтронов, гигантские астрономические телескопы) все более заметно влияют не только на форму научного исследования, но и на институциональную форму науки. Большая исследовательская наука, разворачивающаяся вокруг крупных технических установок, способна, как метко выразился Поппер, «разрушить великую науку»⁶. Имеется в виду наука в удушающей хватке экономики, когда последняя в союзе с (большой) политикой отдает предпочтение крупным исследовательским учреждениям и тем самым закрывает источники финансирования «нормальной» науки (ключевая тема применительно к последнему вопросу — базовое оснащение университетов). Когда изменяется соотношение науки и техники, нередко трансформируются и параметры самого научного мышления, и здесь классические идеалы «чистого» исследования

6. *Popper K. R. The Rationality of Scientific Revolutions // R. Harre (ed.) Problems of Scientific Revolution. Progress and Obstacles to Progress in the Sciences. Oxford, 1975. P. 84.*

отходят на задний план, становятся все более «мирскими» в том мире, который в своих эпистемических структурах сам является результатом, продуктом науки. Действительность исследования находится в связи с его фактическими обстоятельствами, а свобода исследования — с необходимыми ограничениями. Еще раз: узнать, что во внутреннем существе мира удерживает его в единстве — высокая, достойная цель, однако удерживать мир в единстве — не менее значительная. Ученого символизируют и Леонардо, и Фауст.

3. МИФ ГУМБОЛЬДТА

Будущее науки, а значит, и будущее мира Леонардо — это часть вездесущего исследовательского процесса, который мы называем «наука». Какое же будущее ожидает университет, бывший некогда вотчиной науки? Не очень-то радужное. Хуже того, многие даже полагают, что песенка университета уже спета. Будущему университету угрожает его безотрадное настоящее, в котором нужда является нормой, а воля к изменениям слаба. Но ему же угрожает и та утешительная, умиротворяющая, отвлекающая позиция образованных людей, которые полагаются на университет, видя его сквозь розовые очки великого прошлого — сквозь гумбольдтовский миф. Этот миф с замечательным постоянством и единодушием вспоминают всякий раз, когда речь заходит о сущности немецкого университета или о назревшей реформе университетской действительности перед лицом трех призраков — образовательной катастрофы, массовой высшей школы и «утечки» исследования в далекие от университета сферы. Как если бы обновление немецкого университета, осуществленное под руководством В. фон Гумбольдта при учреждении Берлинского университета в 1810 году, сегодня вновь открывало будущее и давало надежду университету, который давно отошел от своей идеалистической идеи. Рассмотрим пристальнее эту идею и ту действительность, которую она призвана изменить. История всегда поучительна, даже если в данном случае она покажет лишь одно: легко сказать «Гумбольдт», да трудно сделать!

Реформа Гумбольдта была осуществлена на фоне упадка университета, который проявился, например, в том, что с 1792 по 1818 год количество университетов в немецкоязычном регионе сократилось почти вдвое. Двадцать два университета, в том числе в Бонне, Эрфурте, Кельне и Мюнстере, закрылись, по большей части совершенно утратив какое-либо значение. В это время раздаются даже призывы к закрытию всех универ-

ситетов⁷; в педагогической и институциональной сферах безраздельно царит пессимизм. Паульсен в своей «Истории научного преподавания» саркастически говорит об австрийском университете: «Не хватало веры в человеческую природу; подобно тому как центральный пункт учения церкви составляет тезис, что человек по природе не может сделать ничего хорошего, так и австрийская педагогика исходила из представления, согласно которому человек ничему не желает учиться, во всяком случае ничему хорошему. Старик Аристотель придерживался иного мнения»⁸.

Одновременно с упадком университета наблюдается расцвет «специальных школ» и академий. В своей концепции Берлинской академии Лейбниц формулирует ключевой тезис: *theoria cum praxi*⁹. Знание должно быть связано с практикой, наука должна стать полезной, но университетская наука казалась на это неспособной. Впрочем, справедливости ради надо добавить, что в «полезных» академиях, в том числе Берлинской, первым президентом которой был Лейбниц, дело обстоит не совсем так. В 1798 году Фридрих Вильгельм III в резких выражениях требует обещанной «пользы»¹⁰. Трудности с пользой испытывали не только университеты, но и академии, которые должны были прийти им на смену: университеты к ней не стремились, академии же ее не приносили. Такова была ситуация, в которой Гумбольдт разработал свою концепцию, которую немецкий университет до сих пор рассматривает как собственную идею и которая якобы должна указать нам путь в XXI век. Насколько реалистичны такого рода надежды и что делает модель Гумбольдта мифом?

Мифом ее делает то простое обстоятельство, что Берлинский университет был основан не только в противовес академиям, то есть представлению о пользе, которое уже тогда воспринималось как идеология, но и в противовес университетам. Реформа Гумбольдта (и новый университет, который она в конце концов все-таки породила) осознавала себя не столько как реформа

7. Campe J. H. Allgemeine Revision des gesammten Schul- und Erziehungswesens von einer Gesellschaft practischer Erzieher. I–XVI. Hamburg etc., 1785–1792.

8. Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Bd. I–II. Berlin; Leipzig, 1919/1921. Bd. II, S. 115 f. Относительно нижеследующего см. также: Mittelstraß J. Hochschulkultur. Die Anstrengung des Begriffs und die Lust des Studierens. Oldenburg, 1991. S. 16 ff.

9. Leibniz G. W. Deutsche Schriften. Bd. I–II / G. E. Guhrauer (Hg.). Berlin, 1838/1840. Bd. II. S. 268.

10. Jahrbücher der preußischen Monarchie unter der Regierung Friedrich Wilhelms des Dritten 2 (1798). S. 187 ff.

в пользу университетов, сколько как реформа, которой университеты должны были быть принесены в жертву. Утечку «полезных» исследований из университетов должна была дополнить утечка исследований «чистых». Соответствующие планы (например, план прусского правительственного советника, а затем министра Карла Фридриха Бейме¹¹) исходили из представления, которое несколько позже было сформулировано в работе «Университеты и высшие школы в государстве, основанном на разуме» лейпцигского приват-доцента гегельянца Освальда Марбаха (1834): из представления об «одной или нескольких высших школах, поставленных над обычными университетами»¹². Но в этом состояла и концепция Гумбольдта, заключенная в его знаменитой формуле исследования «в уединении и свободе». Здесь обходится даже само слово «университет»: Фихте еще в 1807 году говорит о «высшем учебном учреждении», или «образовательном учреждении» (но не о новом университете), которое необходимо основать и которое должно положить конец убожеству старых университетов. Впрочем, Гумбольдт очень скоро обнаружил, что совершенно новый образовательный институт имеет больше (политических) шансов, если будет учрежден все-таки как университет, а не в противовес университетам.

Таким образом, реформа Гумбольдта представляет собой не что иное, как компромисс; она оказалась реформой университета вопреки изначальному замыслу. Этот компромисс тотчас поддерживали консервативные реформаторы, наиболее выдающимся представителем которых был Фридрих Шлейермахер. Он выступает против идеи Гумбольдта о единстве исследования и преподавания, оставляет исследование академиям, а от университетов требует, «чтобы они вместе с тем были высшими школами для обучения тех, чьи таланты, даже если они отказались от высшего достоинства науки, все же могут принести ей большую пользу»¹³. У Шлейермахера в обличье реформы университета возрождается то, что, казалось, осталось в прошлом,—

11. Фридрих фон Бейме (1765–1838) — министр юстиции Пруссии в 1808–1810 годах. — *Прим. ред.*

12. Lenz M. Geschichte der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Bd. I–IV. Halle, 1910–1918. Bd. I. S. 66. См. также: Schelsky H. Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen. Düsseldorf, 1970. S. 41 ff; Schubring G. Spezialschulmodell versus Universitätsmodell: Die Institutionalisierung von Forschung // G. Schubring (Hg.). «Einsamkeit und Freiheit» neu besichtigt. Universitätsreformen und Disziplinenbildung in Preußen als Modell für Wissenschaftspolitik im Europa des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1991. S. 276–326.

13. Schleiermacher F. Gelegentliche Gedanken über Universitäten im deutschen Sinn (1808) // Spranger E. Über das Wesen der Universität. Leipzig, 1919. S. 137.

факультеты свободных искусств, которые существовали в старых университетах, а теперь должны были взять на себя задачи высшей школы¹⁴. В отличие от Гумбольдта и Фихте, Шлейермахер отводит новому университету институциональное место между школой и академией. Таким образом, программа Гумбольдта превратилась в реформу университета вопреки его замыслу. Половинчатость Шлейермахера одержала верх над смелыми проектами Гумбольдта и Фихте и доминирует поныне. Те, кто в 1960-е и 1970-е годы стремился создать «другой» университет (как некогда Гумбольдт и Фихте), в итоге получили старый университет, только уже не нового Шлейермахера, а допотопное чудовище под названием «Рамочный закон о высшей школе».

С реформой Гумбольдта, которая была направлена, собственно, против университетов, но оказалась реформой университета против воли, связан расцвет философского факультета, — и это, возможно, самый примечательный ее аспект. Кант в работе о споре факультетов (1798) сформулировал концепцию философского факультета, связав так называемые высшие факультеты опять же с понятием пользы, а философский факультет — с понятием истины¹⁵. Истина и польза — одна рассматривается с критическим прищуром, другая закрепляется за академиями — должны иметь свое институциональное место не вне университета, но в самом университете. Но тем самым философский факультет превращается (по словам Шлейермахера) в «собственно» университет; граница между университетом и «специальными школами», на место которых становятся другие, высшие факультеты, теперь проходит внутри университета. Последний вскоре забывает о том, что является гумбольдтовским компромиссом, и вслед за Фихте торжественно провозглашает себя институциональным воплощением человека как такового. Университет призван служить не только науке, но и нравственному совершенствованию человека. Гумбольдтовский миф обретает совершенство.

Он дополняется другим мифом, тоже восходящим к гумбольдтовой концепции образования посредством науки, — мифом об образовании. Образование сегодня снова у всех на устах и в университетах понимается так, будто они, и прежде всего гуманитарные науки, все еще пребывают в райском состоянии

14. Cp.: *Gnindmann H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. Darmstadt, 1964. S. 38.*

15. *Kant I. Der Streit der Facultäten in drey Abschnitten (1798) // Kant I. Werke in sechs Bänden (ed. W. Weischedel). Frankfurt/Darmstadt, 1956–1964. Bd. VI, S. 290 f (в русском переводе: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М., 1966. С. 315 и далее.— Прим. пер.).*

гумбольдтовской невинности. В гуманитарных науках, а тем самым и на философских факультетах (впрочем, несколько отоцавших из-за отделения естественных наук) вновь усматривается некий ориентир. С этой своеобразной внешней точки зрения образование не только вновь возвращается в университеты, но и поможет обществу обрести новые ориентиры за пределами университетов. Что это — новый расцвет образования или новый (старый) миф, оказавшийся в весьма необычных обстоятельствах?

Я не хочу здесь повторять обычный сегодня и очевидно поверхностный ответ, согласно которому образование, как и культура вообще, компенсирует вредоносные последствия высокого темпа естественно-научных и технических инноваций¹⁶. Это чересчур комфортное представление о культурной действительности и действительности мира Леонардо состоит в следующем: естествознание, техника и хозяйство что-то создают, а культура и образование делают их продукт удобным и приятным. Холодность и скудость будничного опыта в современных обществах до некоторой степени сглаживают на досуге «культурные» инстанции. Но это не имеет к культуре никакого отношения. Кто понимает культуру как некое дополнение к современному миру, призванное отвлекать от его фактической действительности, развлекать и облегчать жизнь, тот превратно толкует роль и само понятие культурной рациональности. В этой концепции игнорируется то обстоятельство, что естественно-научная, техническая, политическая рациональность в действительности суть формы культурной рациональности. Любая рациональность — это часть культуры, благодаря которой человек делает мир пригодным (и непригодным) для жизни. Человек — это культурное существо, и его мир — как в хорошем, так и в дурном — это культурный мир.

То же самое относится и к образованию. Образование — это другая сторона культуры: культура, ставшая формой жизни. Культура не просто наличествует: культура есть нечто, что мы производим, существуя в мирах науки, техники, хозяйства, политики и многих других, — так же обстоит дело и с образованием. Образование, связанное с культурой, составляющей

16. Это представление связано прежде всего с так называемой компенсационной теорией, которой придерживается, например, О. Марквард: *Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften* // *Marquard O. Apologie des Zufälligen. Philosophische Studien. Stuttgart, 1986. S. 98–116*. Критику этой теории см. в: *Schnädelbach H. Kritik der Kompensation* // *Kursbuch. 1988. H. 91. S. 35–47; Mittelstraß J. Glanz und Elend der Geisteswissenschaften. Oldenburg, 1989. S. 10 ff.*

сущность современного мира, само представляет собой деятельную, базирующуюся на обширном опыте, конструктивную и рефлексивную жизнь. Однако определить образование точнее чрезвычайно трудно. Попытки перечислить все, что образует или принадлежит образованию, обречены на неудачу. Я имею в виду представление о всесторонне образованном человеке, который посещал гимназию, цитирует Гёте, представляет, что такое структурализм, читал Фрейда и Маркса, догадывается, что кроется за непорочным зачатием, и может поддержать беседу об эволюционной теории. Такой человек подобен универсалу: он знает обо всем понемногу и ничего не знает глубоко (если не является также и ученым). Но даже это идеалистическое уподобление уже давно никому не приходит в голову.

Фактически сегодня продолжают мыслить вслед за Гумбольдтом, хотя и в рамках совершенно иного идеализма. По Гумбольдту, образован тот, кто стремится «охватить как можно больше действительности и как можно теснее связать ее с собой»¹⁷. Но динамика современного мира, в свою очередь, также охватывает человека, в том числе образованного. Она изменяет его ориентирующие привычки, профильные компетенции, с которыми связано образование, и проблемы, которые он ставит. Она изменяет также науку и университет. При этом в современной действительности развитие науки, в том числе в ее университетских формах, предполагает как раз разделение науки и образования. Сегодня напрасно ищут связи между научной формой жизни и ненаучными формами жизни общества — связи, предполагаемой гумбольдтовской формулой «образование через науку». По Гумбольдту, сама наука должна преобразовать «рассеянное» знание в «цельное», «голую» ученость в «ученую образованность», «беспокойное стремление» в «мудрую деятельность»¹⁸. При этом, как ни парадоксально, именно «чистая» наука¹⁹, то есть наука ради науки, должна продуктивно соединяться с практикой в перспективе образования:

Как только прекращают этот поиск или же воображают, что наука возникает не из глубины духа, а путем экстенсивного накопления наблюдений, все теряется безвозвратно и навсегда; теряется для науки, которая, если это продолжается долго, настолько выхолащивается, что даже ее язык становится пустой оболочкой; теряется и для государства. Ибо только произрастающая изнутри и могущая проникнуть в глубину личности наука пре-

17. *Von Humboldt W. Theorie der Bildung des Menschen (Bruchstück) // Gesammelte Schriften. Bd. I–XVII. Berlin, 1903–1936. Bd. 1. S. 255.*

18. *Ibid. S. 285.*

19. *Der Königsberger und der Litauische Schulplan // Ibid. Bd. XIII. S. 279.*

образовывает человеческий характер, а государству, как и человечеству, нет дела до знаний и речей, а есть — до характера и действий человека²⁰.

Согласно этой идеалистической мысли, образование через науку, которая первоначально кажется чем-то весьма теоретическим, имеет в высшей степени практический и политический характер. Эта позиция также находит выражение в требовании Фихте, согласно которому наука в ее университетской и академической институциональных формах — с точки зрения «воспитания нации к ясности и свободе духа» — должна «подготовить и сделать возможным обновление всех человеческих отношений»²¹. Еще в 1956 году Гемпель утверждал, что «идеалистическая идея образования в смысле Фихте», лежащая в основе немецкого университета, «хоть и поколеблена, но не опровергнута»²². За три года до этого Макс Хоркхаймер, будучи ректором Франкфуртского университета, обращается к фихтеанским гуманистическим идеям и напоминает о понятии образования Гегеля и Гёте, о том, что «путь образования — это путь развешения (*Entäußerung*)»²³: «Человек становится образованным не благодаря тому, каким он „сам себя делает“, но только в самоотдаче — как в интеллектуальной работе, так и в осознающей себя практике»²⁴. Миф об образовании цепко удерживается в университете, который все еще считает себя гумбольдтовским.

4. КОНЕЦ УНИВЕРСИТЕТА?

И наука, и университет изменились. Наука утратила обозримость и тот почти приватный характер, который имело состязание между Фаустом и Мефистофелем. Она превратилась в анонимное и необозримое предприятие, где каждый отдельный исследователь в любой момент может быть заменен, а само исследование стало производственным фактором общества, ко-

20. Фон Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. — Прим. пер. Об идеалистическом и неогуманистическом понятии образования см.: Frühwald W. Humanistische und naturwissenschaftlich-technische Bildung: die Erfahrung des 19. Jahrhunderts // Frühwald W. et al. Geisteswissenschaften heute. Eine Denkschrift. Fr.a.M., 1991. S. 73–111, особенно S. 99 ff.

21. Fichte I. G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt. 1807. § 67 // Spranger E. Op. cit. S. 104.

22. Heimpel H. Probleme und Problematik der Hochschulreform. Göttingen, 1962. S. 7.

23. Horkheimer M. Gegenwärtige Probleme der Universität. Fr.a.M., 1953. S. 20.

24. Там же.

торое уже давно не нуждается в философском камне. Университеты покинули гумбольдтову идиллию, расстались с прекрасной иллюзией реформ, которые еще двадцать лет тому назад стремились эту идиллию продлить, и оказались открыты всем ветрам образовательной системы, которая в собственной и навязанной ей безмерности угрожает поглотить все, что когда-то было связано с идеалистической идеей немецкого университета — системы, в которой количественное мышление определяет все масштабы, от арифметики набора студентов до реформы учебных программ, в которой качественное и целое, способное показать себя в себе самом, но не в дивном умножении голых количеств, само постепенно превращается в миф. Прошли те времена, когда преподавателю, чтобы иметь как минимум десять слушателей, приходилось беспокоить муз, как это в 30-е годы XIX века описал ученый и депутат вюртембергского Сословного собрания Карл Юлиус Вебер: «В храме муз не нужно много жрецов... В церкви становится просторнее; так должно быть и в аудитории, а господа профессора могут читать лекции как тот экстраординариус, у которого было только два студента, но он рассаживал в своей аудитории также Аполлона и девять муз и читал двенадцати слушателям»²⁵. Сегодня в наших университетах нет места даже музам и их культуре.

При этом немецкий университет поныне делает вид, будто следует своей идеалистической идее и в главном все еще остается высшей школой первой половины XX века — профессорским университетом, который против воли превратился в университет групп, не имея права знать, что это такое и что это означает, который умеет произносить слово «регионализация», мечется между свободой и муштрой, болезненно разрастается, цитирует Гумбольдта и говорит на непонятной латыни куррикулярных и производственных нормативов. Идеалисты — основатели немецкого университета — могли бы подумать, что его покинули все добрые (идеалистические) духи. Говоря проще, Гумбольдт — не для массового университета. Образование через науку, единство исследования и преподавания, свободное исследование в уединении — все это имело какие-то шансы, когда в университете обучалось 3–5% молодых людей одного возраста; при 25% (а сегодня этот показатель приближается к 30%) эти формулы суть не более чем миф, светлое воспоминание об идиллических обстоятельствах и о философии немецкого университета, которую мир Леонардо давно отправил в отставку. В особенности это относится к понятию образования. Похоже, образование

25. Weber K. J. Demokritos oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen. Bd. I–XII. Stuttgart, 1853–1854. Bd. X. S. 318.

(*Bildung*) в форме науки уже без остатка заменено профессиональной подготовкой (*Ausbildung*). Но дает ли последняя образование? Это страшный вопрос, на который никто не отваживается ответить, даже применительно к университету. Здесь тоже обращение к Гумбольдту бесполезно.

То же самое можно сказать и о сфере университетской науки (ключевое слово — единство исследования и преподавания). Количественное мышление, доминирующее во всем, не только превращает преподавание в гумбольдтовском смысле в ностальгическую фикцию: оно угрожает (как это ни парадоксально на первый взгляд) и исследованию. Так, массовый рост количества ученых отнюдь не всегда означает рост интенсивности исследований; когда в узкой области работает много специалистов, это приводит к маргинальности тем, произволу и суете, результат которой не стоит ни в какой разумной пропорции к затратам. Когда нужда в учебной нагрузке раздувает предмет сверх всякой меры (ведь единство исследования и преподавания — это не только научный императив в глазах строгого Гумбольдта, но и священная корова), расцветает то, что можно назвать исследованием лишь из крайнего великодушия. В этих условиях исследованием оказывается все, что происходит в лаборатории или библиотеке; когда химик берет в руку пробирку, когда юрист упоминает в комментарии еще одно мнение, философ цитирует Платона, а историк берет на дом книгу — это уже исследование.

Соответственно, количество и продуктивность не всегда идут рука об руку. Например, в Берлинском свободном университете имеется 51 профессура по германистике (при чудовищном количестве специализирующихся на германистике студентов — 5000). Но ошибется тот, кто решит, что для германиста Берлин — пуп земли. В Германии центры германистики — это, скорее, Тюбинген (18 профессур) или Фрайбург (17). Наука, а значит, и исследование лишь вторичным образом имеют дело с количественными показателями, в связи с чем можно еще раз вспомнить тезис Поппера о том, что большая наука способна разрушить великую науку. При скудном питании, на которое могут пожаловаться многие университеты и факультеты, ничто не растет; при чересчур обильном питании — не только у человека — живот растет быстрее головы. Но это значит, что в нынешних условиях — в условиях массового университета — (университетское) исследование тоже может стать мифом: не в том смысле, что его хотят видеть там, где его в действительности нет (как в случае с образованием), но в том, что оно теряет свои контуры и масштабы, возможность направлять и оценивать самое себя по своим собственным меркам. Нищета преподавания может обернуться нищетой исследования.

Похоже, конец университета близок. «За упокой» вместо «за здоровье»? Многое говорит в пользу этого, тем не менее, возможно, еще не все потеряно. Университету присущи три структурных момента, которые, если их целенаправленно выдвигнуть на первый план, могут способствовать реализации именно в университете утопии по имени Наука. Но не в университете Гумбольдта, а в университете Леонардо. Если коротко, эти моменты таковы:

1. *Трансдисциплинарность*. Проблемы мира Леонардо, например экологические, все более лишают науку возможности дисциплинарного самоопределения. Они перерастают теоретические и исследовательские формы дисциплин, приобретают трансдисциплинарный характер²⁶. Трансдисциплинарная постановка проблем требует и трансдисциплинарных исследовательских путей, которые ведут через дисциплинарное знание, — трансдисциплинарность не может заменить дисциплинарную организацию науки, — но вместе с тем выводят за рамки дисциплинарного знания и дисциплинарных привычек формирования знания (в форме теории и исследования). Тем самым трансдисциплинарность становится собственной формой исследования. Но она возможна лишь там, где различные дисциплины контактируют в рамках этой формы, то есть в университете. Столь явно, как в университете, дисциплинарные условия трансдисциплинарности не представлены нигде, и в этом пункте университет до сих пор имеет структурное преимущество перед всеми иными научными учреждениями. Сравниться с университетом в этом пункте могли бы разве что крупные исследовательские институты, если бы они структурно уподобились университету (что в свете политических интенций, которым они обязаны своим существованием, не имело бы никакого смысла).
2. *Элитарное образование*. В науке благоприятствование высоким учебным результатам, называемым также элитарным образованием, не является чем-то необычным (и общественно вредным). Если в науке и научном образовании не обращать внимания на неординарное, не искать и не поощрять такового, то придется довольствоваться

26. О понятии трансдисциплинарности см.: *Mittelstraß J. Wohin geht die Wissenschaft? Über Disziplinarität, Transdisziplinarität und das Wissen in einer Leibniz-Welt*// *Mittelstraß J. Der Flug der Eule. Von der Vernunft der Wissenschaft und der Aufgabe der Philosophie*. Fr.a.M., 1989. S. 60–88.

ся посредственностью. И местом для такого рода поиска и поощрения являются именно университеты, которые тем самым вступают в конкуренцию друг с другом за научное первенство. Но элитарные университеты, которые должны появиться в результате такого рода конкуренции, не вписываются в немецкий образовательный ландшафт. Особенность немецкого университета и его эффективности состоит именно в том, что лидирующая позиция того или иного университета (всегда в рамках определенных дисциплин и в определенное время) не оборачивается провинциализацией других университетов (как, например, во Франции). Пытаться укоренить эту тенденцию в Германии было бы по-дилетантски глупо. Тем не менее она практически неизбежна. В конце концов думать, будто в описанных бедственных условиях немецкие университеты смогут надолго сохранить равную эффективность, — это иллюзия. Необходимо в самом университете, а не наряду с ним создать (сохранить) условия, благоприятствующие высокой эффективности, даже если это приведет к новой дифференциации среди университетов. Выдающиеся достижения в науке и образовании — это большая ценность, нежели гомогенность порождающей ее системы.

3. *Молодежь.* Будущее науки — это молодежь; одно невозможно без другого. Это не значит, что пожилым ученым уже не приходит в голову ничего интересного (беглый взгляд на историю науки показывает, что это не так); просто с возрастом некоторые вещи становятся препятствием на научном пути, например привязанность к прежним (естественно, своим собственным) взглядам, идентификация с позициями, которые обещают стать авторитетными, погружение в трясину административных функций, препятствующее исследованию или позволяющее его избежать. Пожилой человек тоже всего лишь человек. Конечно, это можно сказать и о молодых, но молодым нужно еще найти свое место в мире, распределенном между специалистами. И для науки, как и для преподавания, этот поиск может быть в высшей степени продуктивным. Это еще одна причина, по которой университеты, подготавливающие молодое поколение ученых, все еще имеют преимущество перед прочими исследовательскими учреждениями: жало будущего сидит, так сказать, в их институциональной плоти. Между прочим Гумбольдт знал об этом. В 1810 году он писал: «Движение науки в университете, где она беспрерывно вращается в большом коли-

честве сильных, бодрых и юных умов, безусловно, стремительней и живее»²⁷. Поэтому молодежь — это не только будущее науки, но и (помимо структурного преимущества, связанного с трансдисциплинарностью) надежда и козырь университета в его все более тяжелой борьбе с количественной безмерностью и в конкуренции с внеуниверситетской наукой. Таким образом, основания для надежды все-таки есть.

Но чтобы сделать три указанных момента элементом университетской действительности, необходимо политическое содействие. Политика же, как было упомянуто, любит «крупные исследовательские программы», которые воплощают желаемую масштабность уже в названии, а также малые исследовательские учреждения, благодаря которым тот или иной политик, министр науки или хозяйства становится учредителем. Университетам здесь рассчитывать не на что. Если внеуниверситетские исследовательские учреждения, финансируемые из бюджета, в последние десять лет бурно росли, то университеты в лучшем случае смогли сохранить свои прежние ресурсы. Университеты непопулярны, что имеет много хороших и много дурных причин, и уже поэтому с точки зрения политики они не подходят для громких исследовательских начинаний. Научный совет²⁸ и многие другие научные институты сожалеют об этом и призывают к переориентации в пользу университета, но пока без особого успеха.

Между прочим, в связи с этим примечательно обращенное к университетам требование уделять больше внимания преподаванию. Конечно, в связи с проблемой массовости и длительности образования это требование оправдано, но при этом исследовательская задача явным образом уходит на второй план. В новом соотношении преподавания, исследования и благоприятствования молодым ученым она уже становится второстепенной. Неужели идеал и будущее университетского преподавателя — быть учителем? Если так, то на исследовании в высшей школе можно поставить крест; при доминировании преподавания внутри университета и в условиях внешней конкуренции с внеуниверситетской наукой оно исчезнет. И часто возникает впечатление, что многим политикам, в том числе министру науки, это было бы только на руку. Тогда они, возможно, справи-

27. Фон Гумбольдт В. Указ. соч. — Прим. пер.

28. Немецкая организация, консультирующая органы федеральной и земельной власти по вопросам содержательного и структурного развития высшей школы, науки и исследовательской деятельности (URL: <http://www.wissenschaftsrat.de/>).

лись бы с чрезвычайно долгими сроками обучения и смогли бы еще лучше обслуживать внеуниверситетские исследования, которые представляются более модными, чистыми и эффективными. Этой политической тенденции способствует наука, которая считает само обучение тяжелой обузой и при этом все еще настаивает на том, что ее сущность составляют фундаментальные исследования, ориентированные только на истину и чистое познание. Она поддерживает стоящие на ее же пути предрассудки. Но для всех действующих лиц — науки, исследования и разработки, а в конечном счете и для политики в мире Леонардо — это медвежья услуга. Вспомним: в басне Лафонтена о медведе и садовнике медведь убил муху на носу спящего друга и заодно раздавил ему череп.

ЭПИЛОГ: ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ЯЩЕРАМИ

Будущее науки остается открытым вопросом; настоящее университета невыносимо, и оснований для оптимизма не видно. Еще раз: из идеалистической утопии университет превратился в унылое учреждение. Прокормить его стоит больших трудов, тем не менее он болезненно разрастается. Единообразие здесь вытеснило универсальность, без которой *universitas* лишена души. Выхода из этой безрадостной ситуации не видно, новый Гумбольдт пока не появился. А если бы таковой и появился, он, как и прежний, предпринял бы реформу, скорее, против университетов, нежели для них и вместе с ними, а значит, против научной бюрократии, которая, не имея (как и университеты) никакой концепции, действует в условиях чрезвычайного положения. Да и как можно было бы реформировать университет, который — как большинство немецких университетов — имеет 50 000 или более студентов? Сначала он должен был бы обрести разумные размеры, которые позволили бы вновь превратить универсальность из голого принципа роста в живой принцип дисциплинарной и трансдисциплинарной организации. Но сегодня это утопическая фантазия. Она означала бы такую достройку, которая больших сделала бы не больше, а меньше и сделала бы возможным появление новых университетов. Кроме того, она означала бы повышение эффективности, большую концентрацию учебных тем и, наконец, далеко выходящее за рамки нынешних учебных планов переустройство системы специального высшего образования — тех «специальных высших школ», о которых тоже шла речь в ходе реформы Гумбольдта. Сегодня же еще сохраняется абсурдная ситуация, в которой проблему массовости университетов отчасти порождает

ют получившие отказ претенденты на учреждение специальных высших школ, ориентированные на практическую специальную подготовку, но отнюдь не на теоретическое университетское образование. Пути немецкой образовательной политики туманны и слишком часто, как видим, проходят в стороне от фактических и разумных интересов образования.

Ящеры вновь среди нас, и именно там, где они менее всего кстати: в системе науки и образования. Если ничего не произойдет, если все сведется к управлению в условиях чрезвычайного положения, то университеты и далее будут скатываться к школярству и вновь окажутся там, где их некогда оставила реформа Гумбольдта. Если для ящеров возможно будущее, то через интенсивную терапию ожирения, которая, конечно, не предполагает сжатия системы образования. Открытость университетов — позитивное достижение, но их реформирование в условиях открытости еще предстоит. Новый Бейме и Гумбольдт еще не появились.

Поэтому мы должны искать другие пути, чтобы связать будущее науки с будущим университета. Иначе наука с ее будущим останется за крупными исследовательскими институтами и другими внеуниверситетскими учреждениями; университет останется со своей нерешенной проблемой преподавания и своим прошлым. И ясно также, что когда наука исследует и преобразует мир, но не дает разумных советов, когда (общественные) отношения между разумом и неразумием туманны, когда в академическом и других мирах научные и этические принципы разделены, то необходима инстанция, которая (в терминах Канта) говорит на языках теоретического и практического разума и способна служить посредником между научной и общественной ипостасями мира Леонардо. Если университет сумеет еще раз радикально трансформироваться, он сможет стать такой инстанцией. Впрочем, времени на трансформацию осталось немного. Сова Минервы, вылетающая в сумерках, уже в полете. И то, что окажется на ее пути, обречено на неизменность.

Перевод с немецкого Евгения Борисова и Ильи Инишева